

Е. О. Осюшкина
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

Образ города в поэзии В. Шершеневича футуристического периода¹

Футуристический период в творчестве Вадима Шершеневича был недолгим. Первые футуристические сборники «Романтическая пудра» и «Экстравагантные флаконы» вышли в 1913 г., а уже в 1919-м поэт фактически стал одним из основателей имажинизма. Однако именно в годы участия в футуристическом движении впервые ярко проявились те ключевые темы творчества Шершеневича, которые в период символизма были только намечены, в частности, *тема города*.

В раннем стихотворении «Огородное чучело» возникает образ несущегося поезда, который окружен отчетливо городскими атрибутами: «стальной дорогой», «дымную пасть», «огневой струей» [Шершеневич, 2000, с. 39]. Поезд — элемент городской жизни, но пока он в стороне и непосредственно не входит в жизнь лирического героя. Футуристическое влияние в лирике Шершеневича дает о себе знать как раз с того момента, когда город начинает восприниматься и как некая отрицательная, демоническая сущность, действующая самостоятельно и обособленно от всего остального мира, и вместе с тем как сущность обездушенная, «полуживая».

В сознании лирического героя город связывается с категорией страшного, мыслится как особый локус — место, в котором могут происходить лишь трагические события: в «городских картинах» Шершеневича нет ни одной светлой зарисовки.

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Игоря Евгеньевича Васильева.

Это положение, кажется, противоречит общей установке футуризма (ср., например, с итальянским футуризмом или эгофутуризмом И. Северянина) на прославление урбанизма и городской цивилизации. Однако здесь можно вспомнить отношение к «адищу города» у В. Маяковского и некоторых других русских футуристов.

Трагическое мироощущение Шершеневича находит отражение даже в описаниях отдельных, конкретных городских элементов — атрибутов города. Например, основной мотив стихотворения «Городская охота» (1913) — погоня, причем погоня «адская», преследование с целью убить, раздавить, уничтожить. Это действительно охота, в которой человек оказывается жертвой, преследуемым зверем, а толпа и город — охотником с собаками. Героиню обуревают страх. Обстановка нагнетается тем, что в городе нельзя скрыться: «темный проспект», по которому бежит героиня, — пространство открытое, не дающее защиты и укрытия; «люди, зданья и даже магазин» несутся вослед «в истерической клятеве». Лирический герой Шершеневича подчеркивает: «срывались с места фонарь и палатка», «все бежало за Вами, хохоча и крича...».

Этой изматывающей гонке покровительствует сам Дьявол: «И только Дьявол в созерцании факта / Шел неспешно за Вами и костями стучал» [Шершеневич, 1996, с. 69]. Образ города здесь мозаичен, составлен из отдельных деталей и частей. Каждая деталь сама по себе статична, однако в совокупности они словно бы охвачены единым порывом движения, преследования жертвы: всё угрожает, кричит и хохочет, находясь при этом в состоянии энтропии. Будучи в ужасе от происходящего, человек не может найти покоя в этом огромном пространстве города.

Подобная же картина рисуется в стихотворении «На бульваре» (1913): здесь царит то же ощущение хаоса и безумия, но образ бульвар не дробится на отдельные составляющие, сам будучи одним из элементов города, причем неотъемлемым, едва ли не центральным. Бульвар у Шершеневича больше напоминает ад, в котором нет места отдельному человеку, личности. Личность терется среди буйства, безумия, дикости окружающей толпы. Словечко «попурри» (всего лишь маленький элемент всей картины) дословно с французского переводится

как «мешанина», и это тоже, естественно, отвечает тематике стихотворения.

«Верхние ноты», которые, «будто шакалы, прыгают яростно на фонари», напоминают чертенят, тем более что и сам бульварный мир пропитан ощущением нависшей смерти в образе «плешивого скелета», который как раз «над бульваром машет косою». Скелет сторожит этот мир, чтобы никто из него не вырвался, при этом внешне он напоминает простого горожанина, поскольку «плешив» и одет в «теннисный костюм» [Там же, с. 70]. Образ «высокой», величественной и мрачной, смерти для этого текста не характерен — скелет, с его косою и плешивою стю, по сути, ничем не отличается от пошлой толпы.

Город предстает одушевленным и опредмеченным одновременно в стихотворении «Город». Центральным, доминирующим мотивом здесь вновь становится движение: «автомобили рушатся в провалы минут», «с грохотом рушатся элегантные палатки». Если в стихотворении «Городская охота» присутствие общий порыв движения, то в «Городе» возникает ощущение нагромождения, а вслед за этим всеобщего обрушения, падения. Городское пространство снова дробится на отдельные составляющие, каждая из которых несет семантику разрушения, причем вне этого смысла объекты в данном контексте не воспринимаются. По сути, это тот же мотив движения, но уже не вперед, а куда-то вниз.

Предметы, атрибутирующие город, испытывают у Шершеневича человеческие эмоции: «Падают с отчаяньем в пропасть экипажи... / В гранитной мостовой камни раздражены...» [Шершеневич, 2018, с. 83].

Город у поэта изначально катастрофичен. Накапливаемая им энергия (динамика толп, автомобилей, трамваев, электричества) приводит к самораспаду: «С грохотом рушатся витрины и палатки, / И дома, провалившись, тонут в реке. / Падают с отчаяньем в пропасть экипажи, / В гранитной мостовой все камни раздражены» [Там же].

В стихотворении «Это Вы привязали мою голую душу...» явлена иная, но столь же трагическая картина взаимоотношений человека и города. Лирический герой, по сути, детально рассказывает о том, как он терял свою душу — сущность, не имеющую цены или меры. Город все-таки отнимает ее, причем лири-

ческому герою кажется, будто каждая ее частица пропадает в пространстве города: «привязали мою голую душу к дымовым / хвостам фыркающих, озверевших диких моторов»; «пустили ее волочиться по падучим мостовым»; «а душа волочилась»; «душа по булыжникам раздробила голову свою» [Шершеневич, 1996, с. 105].

Город осуществляет акт насилия, отбирая у человека самое ценное, совершая очередную казнь. Причем казнь изощренную, быструю и в то же время мучительную («прыткою пыткою»): «озверевшие дикие моторы несутся». Также последовательно прочерчен «путь» лирического героя от лифта до открытого уличного пространства: выделены и обозначены «скелеты лифта», кричащие «дверные адажио», иступленно «переламывающиеся колокольни», «железобетонные двадцатизатаяния», «стоглазье трамвайное». Всё, что попадает на глаза, любое место в пределах города, оказывается живым, но эта жизнь окрашена в мрачные тона, «повествует» о трагическом бытии каждого предмета и каждого уголка. Используемые поэтом тропы неслучайны: лифты — скелеты, двери кричат, колокольни переламываются, а трамваи смотрят в сто глаз. Все вокруг неестественно, обезображено и несет на себе отпечаток некоего уродства, накладываемого городом. Город в изображении Шершеневича тотально агрессивен. Все в нем таит или открыто несет угрозу, нагнетая обстановку страха.

В стихотворении «Полсумрак вздрагивал... Фонари световыми топорами...» [Шершеневич, 2018, с. 90] возникает картина мира-хаоса, в котором детально прорисовываются все элементы. Город сам по себе — яркий, но яркий «демонически». Источники его света связаны с неземным, потусторонним миром: «электрические черти», «фонари со световыми топорами». Свет губителен для городской темноты, город словно не желает быть освещенным, «обнаруженным», ведь при свете станет явным то, что должно быть скрыто. Свет не может распространиться везде, поэтому большие освещенные улицы «отсекаются» от маленьких переулков, до которых свет не доходит. Модель «городского мира» получается раздвоенной: есть свет и есть тьма, однако даже свет здесь подчинен зловещей силе. Душа в этом пространстве опьянена окружающим ее нагромождением «десятиэтажных вымыслов»; всё вокруг кажется нереальным,

абсолютно механистичным, совершенно неприспособленным для полноценной жизни, для чего-то настоящего.

Во всех «городских» стихах Шершеневича, принадлежащих преимущественно к футуристическому периоду его творчества, так или иначе находит выражение проблема страшного, связанная с губительным влиянием города на жизнь человека. Поэт обращается к темам смерти, деструкции, разрушительного воздействия на людей энтропийных импульсов, чаще всего обусловленных действием потусторонних сил, инфернальных, демонических начал и существ.

Город сам по себе предстает у Шершеневича «полуживым-полумертвым», некой двойственной, амбивалентной субстанцией. С одной стороны, это «место трагедий», в котором творятся специфические ужасы и происходит подавление или даже уничтожение человека; с другой стороны, это своеобразный одушевленный механизм, обладающий эмоциями, памятью, способный действовать независимо от чьей-либо воли, т. е. выступающий почти полноценным субъектом бытия. Лирический герой при этом как бы вытесняется, «вытравливается» из этого механизма, поскольку стремится помешать его полновластности, противостоять его тотальному контролю и «отбросить» мощную агрессию по отношению к себе. Практически во всех стихотворениях Шершеневича городское пространство дробится на детали, которые существуют независимо по отношению друг к другу, но при этом объединяются в общее целое, охваченное единым порывом. Город у Шершеневича словно распадается на ячейки, движущиеся в одну сторону под действием сильного ветра. Если ветер утихнет — все элементы «раскатятся» в разные стороны, поскольку их не держит ничего, кроме некой внутренней силы, побуждающей к постоянному движению. Каждый отдельный городской локус несет в себе какую-то «часть» катастрофы, а все вместе они определяют повышенную концентрацию хаоса и безумия в городском пространстве. Возникает ощущение, что город не просто движется, но стремится разрушить все, с чем тем или иным образом соприкасается. В итоге образ города у Шершеневича — это образ гибельного места, в котором человеку, личности не выжить; человека в городе не ожидает ничего, кроме уничтожения.

Список литературы

Шершеневич В.Г. Листы имажиниста : Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. 528 с.

Шершеневич В.Г. Стихотворения и поэмы. СПб. : Акад. проект, 2000. 360, [1] с. (Нов. б-ка поэта. Малая сер.).

Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. М. : Терра : Книгобек, книжный клуб, 2018. 701, [1] с. (Поэты в стихах и прозе).